

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА / THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 001.89:342.56:347.9

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.85-93>

Научная статья

В. В. ЛАЗАРЕВ¹

¹ *Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА

Лазарев Валерий Васильевич, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
Адрес: 107078, г. Москва, Б. Харитоньевский пер., 22–24, стр. 1А, 1БВ, тел.: +7 (495) 719-70-00
E-mail: yalazer@rambler.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3027-6713>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-7684-2017>
SPIN-код: 5106-1080, AuthorID: 364237

Цель: изучение инновационной деятельности судебных органов Российской Федерации.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой, социологический.

Результаты: в статье предпринимается попытка осмыслить деятельность суда как творческую, привносящую много нового и в трактовку фактических обстоятельств, и в понимание правовых ценностей, и в реализацию последних. Решение суда – всегда инновационное в той степени, в какой имеет новизну в интерпретации права и факта, в какой дает ответ по вопросу, допускавшему разные решения, в какой снимает существовавшую неопределенность. Уровень инновационности зависит от состояния фактических обстоятельств, уровня сложившейся судебной практики, новизны и степени определенности правовых норм, достаточности законодательного регулирования, а также от компетенции той или иной судебной инстанции. Суды часто являются производителями научных идей, политико-правовых концептов, правовых и моральных правоположений. В данном случае подчеркивается взаимная связь юридической науки и практики. С одной стороны, именно судебная практика питает развитие юридических наук, а с другой – сама эта практика постоянно оплодотворяется интеллектом обращенных к ней научных исследований.

Научная новизна: инновации в решениях суда допустимы, если они соответствуют общим требованиям конституционализма, произведены в рамках материального закона и не выходят за рамки полномочий соответствующего органа. Разные судебные решения в разной степени инновационны, но они не теряют иных своих позитивных качеств, если инновационность просматривается лишь в субъективном свете применительно к данным обстоятельствам и данным участникам общественных отношений. Признание инновационного характера судебной деятельности на теоретическом уровне требует полноценного юридического признания судебного прецедента в качестве источника российского права.

Практическая значимость: выводы и положения статьи могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, учебном процессе образовательных организаций высшего образования.

Ключевые слова: теория и история права и государства; несовершенство закона; суд; судебное решение; инновация; Конституционный суд; прецедент

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Лазарев В. В. Инновационная деятельность суда // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 85–93. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.85-93>

The scientific article

V. V. LAZAREV¹

¹ *Institute for Legislation and Comparative Legal Studies under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*

INNOVATIVE ACTIVITY OF A COURT

Valeriy V. Lazarev, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Research, Institute for Legislation and Comparative Legal Studies under the Government of the Russian Federation

Address: 22–24 Bolshoy Kharitonyevskiy pereulok, buildings 1A, 1BV, 107078 Moscow, tel.: +7 (495) 719-70-00

E-mail: yalazer@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3027-6713>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-7684-2017>

SPIN-код: 5106-1080, AuthorID: 364237

Objective: to study the innovative activity of the judicial authorities of the Russian Federation.

Methods: dialectical approach to the cognition of social phenomena, which determined the choice of the following research methods: formal-logical, comparative-legal, and sociological.

Results: the article attempts to comprehend the court activity as creative activity introducing many novelties to the interpretation of factual circumstances, to the understanding of legal values, and to the implementation of the latter. A court decision is always innovative to the extent that it introduces a novelty into the law and fact interpretation, to the extent that it gives an answer to a question that allowed for different decisions, and to the extent that it removes the existing uncertainty. The level of innovativeness depends on the state of actual circumstances, the level of established judicial practice, the novelty and degree of certainty of legal norms, the sufficiency of legislative regulation, as well as on the competence of a particular court. Courts are often producers of scientific ideas, political and legal concepts, legal and moral principles of law. In this case, the mutual connection between legal science and practice is emphasized. On the one hand, it is judicial practice that feeds the development of the legal sciences, and on the other hand, this practice itself is constantly fertilized by the intelligence of scientific research addressed to it.

Scientific novelty: innovations in court decisions are permissible if they meet the general requirements of constitutionalism, are made within the framework of the substantive law and do not go beyond the authorities of the relevant body. Various court decisions are innovative to varying degrees, but they do not lose their other positive qualities if innovation is viewed only in a subjective light in relation to the given circumstances and given participants in public relations. Recognition of the innovative nature of judicial activity at the theoretical level requires the full-fledged legal recognition of judicial precedent as a source of Russian law.

Practical significance: the conclusions and provisions of the article can be used in scientific, legislative and law enforcement activities, the educational process of educational organizations of higher education.

Keywords: Theory and history of law and state; Imperfection of law; Court; Judicial decision; Innovation; Constitutional Court; Precedent

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Lazarev V. V. Innovative activity of a court, *Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 1, pp. 85–93 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.85-93>

В науке утвердился взгляд на судебную деятельность как на классический пример правоприменения. Взгляд этот по существу правильный. Но, раскрывая содержание этой деятельности, нельзя ограничиваться только формальным заключением о подведении одной посылки под другую (малой, о фактических обстоятельствах, под большую, о соответствующих нормах права). Деятельность суда творческая, приносящая много нового и в трактовку фактических обстоятельств, и в понимание правовых ценностей, и в реализацию последних. Во всех этих случаях суд привносит нечто новое. Поэтому представляется чрезвычайно уместным по отношению к судебной деятельности ввести в исследовательскую сферу (а затем и в практический оборот) категорию «инновация».

Разумеется, мы понимаем, что судебные решения в разной степени инновационны, и зависит это от новизны фактических обстоятельств, уровня сложившейся судебной практики, новизны и степени определенности правовых норм, достаточности законодательного регулирования и т. д. Уровень инновационности зависит также от компетенции той или другой судебной инстанции – в порядке кассации больше возможностей внести некие новации, нежели в суде первой инстанции. Всегда в большой степени инновационными выступают постановления Пленума Верховного Суда. Инновации сопровождают большинство, если не все акты Конституционного Суда РФ [1].

В современном словаре иностранных слов инновация понимается как «деятельность по созданию, освоению, использованию и распространению нового, с целенаправленным изменением, вносящим в среду внедрения новые элементы, вызывающие изменение системы из одного состояния в другое»

[2, с. 257]. Деятельность любого суда была бы излишней, если бы она не создавала нечто новое, не изменяла существующее положение вещей, если бы она в конечном счете не способствовала обновлению законодательства и практики. *Решение суда – всегда инновационное решение в той степени, в какой имеет новизну в интерпретации права и факта, в какой дает ответ по вопросу, допускавшему разные решения, в какой снимает существовавшую неопределенность (выделено мной. – В. Л.).*

Судебные решения не только «акты распространения», но и «акты творения» права. Суды в целом, и особенно высшие инстанции, не только распространители, но и производители научных идей, политико-правовых концептов, правовых и моральных правоположений. Здесь мы подчеркиваем взаимную связь юридической науки и практики. С одной стороны, именно судебная практика питает развитие юридических наук, а с другой – сама эта практика постоянно оплодотворяется интеллектом обращенных к ней научных исследований.

Рассматривая связи науки и судебной практики, нельзя упускать из вида ту посредническую роль, которую призван осуществлять законодатель. Суд решает дело на основе закона. Однако связанность суда позицией законодателя не отвергает принцип самостоятельности (суверенности) суда и судебных решений [3]. Последний проявляет себя наиболее ярко в двух случаях: 1) когда закон сам допускает усмотрение суда; 2) когда наличествует пробел в законодательстве и суд принимает решение на основе аналогии закона или аналогии права.

Тот и другой случай признаются самостоятельными и всегда актуальными для исследования, поскольку происходят изменения в экономической и политической сферах, поскольку, например, осуществляется

конституционная реформа. Законы могут не успевать за движением жизни. Поэтому остается актуальной, в частности, проблема судебного прецедента. И тогда не устаревают вопросы о подмене законодателя судьей, о следовании принципу законности и вынесении судебного решения вопреки закону (в случае противоречия закона праву). В любом случае нельзя в одних отраслях признавать судебный прецедент – в других не признавать, признавать прецедентными решения международных судов и не признавать таковыми решения национальных судов. Парадоксально, что противники признания судебного прецедента, признают фактическое изменение в правовом регулировании именно на основании судебного решения (когда нормы не было вообще или когда решением суда норма устраняется из общего правового массива), признают общеобязательность этого решения и необходимость следования ему в точно таком же случае.

Экономисты рассматривают инновацию как «внедренное новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованное рынком» [4]. Почему подобно этому не смотреть на судебный прецедент как на средство поддержания и повышения эффективности «юридической продукции»?

Вопросы относительно прецедентов спорны. Но процитированная характеристика инновации в полной мере относится к обзорам судебной практики, постановлениям Пленума Верховного Суда России и большинству решений Конституционного Суда России. Конституционное судопроизводство постоянно сопровождается интеллектуальными инвестициями, в его решениях фиксируются дополнительные конституционные ценности, внедрение которых в дальнейшем служит коренному улучшению правопорядка. И по большому счету там, где выделяют «социальные (процессные) инновации», понимая их как «процесс обновления сфер жизни человека в реорганизации социума» [5], следовало бы иметь в виду в том числе правовые инновации.

Для рассмотрения деятельности Конституционного Суда России в качестве инновационной имеет существенное значение получающий все большее распространение новый взгляд на сам суд. «...По самой природе, сущностным характеристикам и результатам деятельности статус Конституционного Суда Российской Федерации не исчерпывается юрисдикционным

правоприменением. Этот орган объективно, и это становится все очевиднее для отечественной юриспруденции, приближается в своих итогово-правовых характеристиках к нормативно-установительной практике, к правотворчеству» [6, с. 58]. Существуют и другие позиции по данному поводу. В частности, Л. В. Лазарев рассматривал «решения Конституционного Суда в качестве источника права, а правовые позиции, выраженным в нем, – правом» [7, с. 53]. По мнению Н. С. Бондаря, решения Конституционного Суда являются «безусловным источником конституционного права» [8]. Г. А. Гаджиев считает «чрезвычайно важную роль, помимо позитивного закона, т. е. текста Конституции и других законов, играют конституционные принципы и сложившиеся концептуальные представления об их нормативном содержании и правоприменительной практике, особенно решения высших судов, раскрывающие смысл юридических символов – принципов. Именно поэтому так называемое толкование конституционных норм на самом деле таковым не является...» [8, с. 188]. Иными словами, в деятельности Конституционного Суда России можно усматривать «квази-правотворчество», функции «негативного законодателя» и отрицать факт того, что при рассмотрении определенных дел идет позитивное правообразование, невозможно. Таким образом, законодатель своими актами вносит в регулирование общественных отношений соответствующие новации, а Конституционному Суду Российской Федерации в рамках действующего законодательства и в определенной процедуре позволено вносить в них свои новые правовые положения, что и позволяет говорить в этих случаях об инновациях в прямом смысле этого слова.

Если деятельность Конституционного Суда Российской Федерации выходит за рамки решения известного силлогизма, если это творческая работа (более того, правотворческая!), если идет речь о развитии конституционных норм, то в этих пределах она и научная. «Решения Конституционного Суда воплощают в себе единство нормативных и доктринальных начал. Это акты, обладающие нормативно-доктринальной природой» [9, с. 167].

Бесспорно, что достижения юридической науки, обладающие свойством фундаментальности, в полной мере ложатся в основу тех научно-практических позиций, которые вырабатываются в Конституционном

Суде Российской Федерации. Без этого невозможно выполнить те задачи, которые ставятся перед этим органом: оценить буквальный смысл рассматриваемого акта; выявить смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием; исследовать, какой смысл придает акту сложившаяся правоприменительная практика; определить содержание норм, исходя из места данного акта в правовой системе.

Основной закон государства – постоянный объект научного и практического осмысления в суде. При этом он рассматривается в качестве живого документа. Практика шла по такому пути, что закрепленные в Конституции России принципы наполнялись более богатым конкретным социальным содержанием, соответствующим каждому новому историческому этапу развития общества и государства. Результаты судебной интерпретации, обеспечивающей одновременно стабильность и динамизм общества, в итоге закреплялись в ходе конституционного судопроизводства. Считалось, что при таком развитии правовой системы отсутствует необходимость менять текст Конституции России. Однако по инициативе Президента Российской Федерации осуществлена правовая реформа, в ходе которой произошли текстуральные изменения, в том числе и тех норм, которые могут затрагивать инновационный аспект судебной деятельности.

Закон Российской Федерации «О поправке к Конституции Российской Федерации» от 14.03.2020 № 1-ФКЗ заложил основу для кардинального изменения Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Разумеется, не все принятые изменения равнозначны, не все аргументированы с достаточной убедительностью и некоторые из них потребуют еще конкретизации и авторитетного толкования тем же Конституционным Судом России, но здесь важно подчеркнуть одно: политический аспект вводится в правовые рамки, а рамки эти достаточно широки, чтобы Конституционный Суд России творчески выполнял свою высокую миссию.

Расширилась компетенция Конституционного Суда России: по запросу Президента России он может проверить конституционность законопроектов (проектов законов РФ о поправке к Конституции, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов – до их принятия Государственной Ду-

мой в третьем чтении). Кроме того, по запросу главы государства Конституционный Суд России может проверить конституционность законов регионов. Если Конституционный суд России не подтвердит конституционность законопроекта, то документ не подлежит дальнейшему рассмотрению, принятию, подписанию и обнародованию, до устранения нарушений.

Признание проекта конституционным не препятствует впоследствии проверке принятого закона в Конституционном Суде России после вступления его в силу и формирования судебной практики. Это важно отметить, поскольку были сомнения, не возникнут ли сложности у самого суда, коль скоро он уже давал заключение по проекту, не будет ли он ограничен.

Решение принимается Конституционным Судом России на предмет соответствия «основам конституционного строя», а не «публичного правопорядка», как указано в ст. 125 новой редакции Конституции России. Надо полагать, что в перспективе мы получим инновационные решения, в которых «основы конституционного строя», «публичный правопорядок» и «публичный порядок» получают свои определения и соотносимость друг с другом.

Особого осмысления требуют нормы, развивающие конституционные положения о приоритете норм национальной конституции в интерпретации Конституционного Суда России, а не в интерпретации какого-либо международного органа. Попросить Конституционный Суд России проверить решение международного органа на соответствие Конституции России смогут Президент, Правительство, Верховный Суд и Министерство юстиции. Конституционному Суду России в этом случае не обойтись без инновационной аргументации.

В качестве новеллы устанавливается проверка вопроса, выносимого на референдум. Она будет проводиться по запросу Президента или Верховного Суда. В поправках в Конституцию России о таком полномочии не говорилось. Проблема может оказаться актуальной в связи с возможностью допущения смертной казни. Решение о назначении дела к слушанию Конституционный Суд России будет принимать «с учетом общественной значимости» и очередности поступления запроса (ст. 47). Сейчас критерий значимости отсутствует. Очевидно, науке и самому суду придется конкретизировать данное понятие.

В средствах массовой информации не без основания прозвучала критика той новеллы, согласно которой судьи не смогут обнародовать особое мнение. Есть свои за и против такого запрета. Тайны имеют свойство раскрываться, а преследование мнений изначально сомнительно. Поэтому не исключена конкретизация конституционных положений. Тем более что норма регулирует соответствующие отношения шире: закон запрещает судьям Конституционного Суда России критиковать в СМИ и Интернете решения Конституционного Суда России, а также высказывать свою позицию по вопросу, который может стать предметом его рассмотрения. Судьи и другие лица, присутствовавшие на закрытом совещании, будут не вправе разглашать содержание дискуссии и результаты голосования, в том числе обнародовать свое несогласие с принятым решением, в какой бы то ни было форме. В этой связи нельзя не отметить относительную свободу научной общественности в трактовке принимаемых Конституционным Судом Российской Федерации решений. Новации, закрепленные судебными решениями, будучи непрерываемыми для практики, могут быть не принятыми юридической наукой.

Последствия принятия решения Конституционного Суда России расширяются дополнительными обязанностями для Верховного Суда России. Последний не позднее двух месяцев после принятия Конституционным Судом постановления должен издать на его основании разъяснение практики «в целях обеспечения единообразного применения законодательства» (ст. 80). Тем самым смыкается деятельность того и другого высших судебных органов. Не исключено и обострение возможных противоречий в позициях. Толкование решений Конституционного Суда России может давать только он сам. Не исключен творческий характер такого толкования.

Можно было бы обратить внимание и на другие конституционные новеллы. Но подчеркнем одно важное обстоятельство общего характера: на наш взгляд, изменения в Конституции России не ставят под запрет творческую деятельность судов и Конституционный Суд, как и ранее, будет выполнять все свои функции, включая «квази-правотворческую». Конституционализация правовой действительности объединяет различные явления и процессы в различных сферах: социальной, экономической, политической, культур-

ной. Конституционализм как комплексная философско-правовая категория «включает в себя конституционализм доктринальный, нормативно-правовой, онтологический, мировоззренческий, конституционно-политический» [8]. В связи с этим правовая реальность и реальность права, даже если считать их «самостоятельными категориями онтологии права» [11], нераздельны в судопроизводстве. Кроме того, необходимо учитывать и виртуальную реальность.

Все те, кто не вникает в глубины правовой материи, ждут от конституционных судов толкования (интерпретации) конституционных норм. При этом упускается из виду, что любой случай толкования права, кем бы оно ни осуществлялось, по сути своей содержательно ничего нового в толкуемые нормы не привносит. Это азы теории права. С точки зрения беспристрастной теории законность грубо нарушается, если под видом толкования создаются новые нормы. Законодатель скрытно подменяется другим органом. Такого рода «новации» следует решительно пресекать. Однако новизна (новация) может быть в средствах аргументации, в развитии и дополнении обоснования, имевшего место ранее.

Толкование суд осуществляет всякий раз, применяя закон. Но законодатель в ряде случаев заранее знает, что толкование норм не исчерпает государственную волю и предоставляет правоприменителю право проявить свое усмотрение. Например, употребляя общие понятия, законодатель рассчитывает на то, что они будут конкретизированы судом и тем самым произойдет обогащение проявленной в законе воли.

Усмотрение суда и судебное правотворчество отражают судебный активизм. 21 ноября 2019 г. в Москве состоялся I Московский правоприменительный форум «Судейское усмотрение в практике судов города Москвы». Участники форума пришли к выводу, что судебское усмотрение – неотъемлемая часть профессии судьи, что это важное и необходимое полномочие судей.

Сегодня, в свете новых цифровых технологий, более других на принятие к действию претендует классическая парадигма с подведением одной посылки под другую. Она в большой степени прагматична – экономит время и средства (сокращает издержки судопроизводства). Но она не реалистична. Суд во все времена так или иначе, в той или другой степени вносил свою лепту в рассмотрение дела не

только в процессуальном плане, что так же существенно и ценностно, но и в материально-правовом отношении, обогащая ту самую внешнюю волю, выраженную в законе материально в полноценном гуманитарном значении. Деятельность суда всегда заключала в себе элемент творчества, ограниченный рядом пределов. Интеллектуальная, по-своему объективная основа для вынесения решения отыскивается в законах разума, в ходе соотношения их с естественными реалиями жизни людей, в ходе ограничения произвола частных стремлений. Принципы практической разумности усмотрения суда требуют учета не только прав и свобод гражданина, но и в той же степени его обязанностей.

Пространство инноваций более отчетливо открывается в случае ошибки законодателя и в случае пробела в законодательстве.

Виды ошибок и пробелов разные, и каждая разновидность требует своих подходов в решении. Однако, не вдаваясь в детали, можно попытаться установить и некоторые общие положения.

Ошибка законодателя (ошибка в праве) по первому впечатлению должна исключать какую-либо деятельность суда. Законодатель ошибся – он и должен исправлять свою ошибку. В том числе и решение Конституционного Суда России не будет инновационным, если он ограничится признанием данных норм неконституционными, если он не предложит законодателю (в соответствующей форме) альтернативное решение, отличное от противостоящих. При этом не следует забывать по меньшей мере о трех принципиальных вещах: 1) Конституционный Суд России не стремится подменить законодателя; 2) законодатель в рамках действия общих конституционных принципов имеет возможность выбирать между альтернативами; 3) отношения в политической и даже в экономической сфере столь подвижны, что то, что было ошибочно в одних условиях, становится приемлемым в других.

Из тех пробелов, которые по природе своей вообще и по причинам своего появления требуют инновационных решений, следует указать на пробелы законодательства, которые обусловлены развитием общественной жизни, появлением новых общественных отношений или такой степенью развития существующих, что отсутствие норм, учитывающих новизну ситуации, становится недопустимым.

В большинстве случаев это касается установления или изменения мер ответственности. Но именно в этой части Конституционный Суд России более всего ограничен в своих инновациях. Уголовная или административная ответственность устанавливается только соответствующими кодексами. Возможность инновационных решений сохраняется, если решаются общие вопросы установления ответственности. Так, в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2003 г. № 9-П, недопустимо установление ответственности за такие действия, которые хотя и имеют своим следствием формальный состав правонарушения, но заключаются в использовании предоставленных прав или связаны с выбором наиболее выгодных форм предпринимательской деятельности. Инновация, как представляется, беспорная.

В сфере гражданско-правовых отношений, где решения по преодолению пробелов (аналогия закона и аналогия права) допускаются более широко, возможности инновационных решений суда также расширяются. С теоретической точки зрения эти возможности распространяются (при соответствующих оговорках) и на случаи ошибок законодателя. Статья 31 Жилищного кодекса РФ содержит следующее положение: «...Право пользования жилым помещением бывшего члена семьи собственника прекращается одновременно с прекращением права собственности на данное жилое помещение этого собственника...» В печати описывался случай, когда отец продал квартиру вместе с прописанным там сыном и новый собственник выселяет его (газета «Московский комсомолец» от 13 марта 2006 г. № 2077). Ставился вопрос о неконституционности нормы. Конституционный Суд России выразил свою позицию по конкретным запросам, связанным с реализацией данной нормы. Он указал, например, что «Положения части 4 статьи 31 Жилищного кодекса Российской Федерации, согласно которой в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи, направлены на усиление гарантий прав собственника жилого помещения и сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие конституционные

права заявителя, указанные в жалобе» (Определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 471-О-О). Но применительно к нашему случаю ребенок не является бывшим членом семьи, если он проживал вместе с отцом. Можно прийти к выводу, что законодатель гарантии прав любого собственника (как бывшего, так и нового) ставит выше любых других прав. Это его осознанный выбор. Но тогда не встает вопрос о пробеле в законодательстве. Может стоять вопрос только об ошибке законодателя. Если допустить, что Конституционный Суд мог признать норму не соответствующей Конституции России в части лишения несовершеннолетнего ребенка права пользователя, это было бы известной новацией, заставляющей законодателя обратиться к всестороннему анализу жизненной ситуации.

Новизной отличаются содержащиеся в решениях Конституционного Суда России правоположения процессуального характера, особенно связанные с реализацией вынесенных решений, в частности таких решений, которые открывают пробелы в законодательстве. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П указано: «...Правоприменительные решения, основанные на акте, который хотя и признан в результате разрешения дела в конституционном судопроизводстве соответствующим Конституции Российской Федерации, но которому в ходе применения по конкретному делу суд общей юрисдикции или арбитражный суд придал истолкование, расходящееся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации, также подлежат пересмотру в порядке, установленном законом». Таким образом, нормы закона обязательны не сами по себе, а непременно в том истолковании, какое придал им Конституционный Суд, в том понимании, какое закреплено в Постановлении Конституционного Суда. Обязательность правовой позиции Конституционного Суда России закреплена здесь специально. Она распространена на вынесенное уже решение. Можно рассматривать данное положение как определенную инновацию, поскольку оно регулирует процессуальный аспект. И было бы это положение еще большей инновацией, если бы, как этого требует логика, связывало пересмотр состоявшихся решений на основе оспоренной нормы не только для данного, но и для

всех ранее состоявшихся решений, в случае если идет речь об улучшении положения граждан. В отношении юридических лиц и их правовых отношений сложнее: рушить сложившиеся на основе состоявшихся решений связи всегда чревато. Поэтому, видимо, вступит в силу принцип добросовестных приобретателей прав.

Выводы

Нет ничего в понимании инновационной деятельности в разных социальных сферах, что не могло бы быть воспринято при рассмотрении деятельности разных судебных инстанций в той части, в какой они привносят новизну в регулирование общественных отношений, в какой они обогащают ценности определенности и справедливости, способствуя упрочению правового порядка.

Инновации в решениях суда допустимы, если они соответствуют общим требованиям конституционализма, произведены в рамках материального закона и не выходят за рамки полномочий соответствующего органа.

Разные судебные решения в разной степени инновационны, но они не теряют иных своих позитивных качеств, если инновационность просматривается лишь в субъективном свете применительно к данным обстоятельствам и данным участникам общественных отношений.

Значительной может оказаться инновационность решений Конституционного Суда России, поскольку ему в отличие от других судебных органов официально предоставлена возможность лишить закон юридической силы и предложить законодателю новые решения вопросов. Поэтому инновационный потенциал такого органа, как Конституционный Суд Российской Федерации, очень высокий в силу его состава и богатой практики.

Признание инновационного характера судебной деятельности на теоретическом уровне требует полнокровного юридического признания судебного прецедента в качестве источника российского права. А все сказанное о творческой стороне судебных решений позволяет говорить о судейском праве, которое «проявляется не иначе как система общеобязательных принципов и норм, содержащихся в судебных решениях» [11, с. 5].

Список литературы

1. Лазарев В. В. Инновационная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации как разновидность практики конституционализма // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.). М.: Норма, 2014. С. 203–214.
2. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
3. Лазарев В. В. О судебном суверенитете национальных и межгосударственных органов правосудия // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепция, правовые подходы и практика обеспечения. М.: ИЗиСП, Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 71–88.
4. Инновации в малом бизнесе. URL: <https://malbusiness.com/innovatsii-v-malom-biznese-innovatsionnaya-deyatelnost-v-malom-biznese/> (дата обращения: 12.12.2020).
5. Что такое инновации? URL: <https://hapers.ru/chto-takoe-innovacii/> (дата обращения: 12.12.2020).
6. Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. М.: Формула права, 2012. 106 с.
7. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: Формула права, 2006.
8. Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.
9. Бондарь Н. С. Конституционный Суд России: не «квазисуд», а больше чем суд // Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам «Журнала конституционного правосудия»). М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 155–169.
10. Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. М.: Формула права, 2012. 106 с.
11. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право. М.: Проспект, 2009. 510 с.

References

1. Lazarev V. V. Innovative activity of the Constitutional Court of the Russian Federation as a kind of constitutionalism practice, *Modern constitutionalism: challenges and prospects*, works of International scientific-practical conference devoted to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (Saint Petersburg, November 14-15, 2013), Moscow, Norma, 2014, pp. 203–214 (in Russ.).
2. *Dictionary of foreign words of the modern Russian language*, Moscow, Adelant, 2014, 800 p. (in Russ.).
3. Lazarev V. V. On judicial sovereignty of national and inter-governmental judicial bodies, *Implementation of the decisions of the European Court of Human Rights in the Russian legal system: concept, legal approaches and practice of provision*, Moscow, IZiSP, Norma: INFRA-M, 2019, pp. 71–88 (in Russ.).
4. *Innovations in small business*, available at: <https://malbusiness.com/innovatsii-v-malom-biznese-innovatsionnaya-deyatelnost-v-malom-biznese/> (access date: 12.12.2020) (in Russ.).
5. *What are innovations?*, available at: <https://hapers.ru/chto-takoe-innovacii/> (access date: 12.12.2020) (in Russ.).
6. Bondar' N. S. *Russian judicial constitutionalism: introduction to the research methodology*, Moscow, Formula prava, 2012, 106 p. (in Russ.).
7. Lazarev L. V. *Legal positions of the Constitutional Court of Russia*, Moscow, Formula prava, 2006 (in Russ.).
8. Gadzhiev G. A. *Ontology of law: critical research of the juridical concept of the reality*, Moscow, Norma, 2013, 320 p. (in Russ.).
9. Bondar' N. S. The Constitutional Court of Russia: not a quasi-court, but more than a court, *Topical issues of constitutional justice (by the materials of the "Journal of constitutional justice")*, Moscow, Volters Kluver, 2011, pp. 155–169 (in Russ.).
10. Bondar' N. S. *Russian judicial constitutionalism: introduction to the research methodology*, Moscow, Formula prava, 2012, 106 p. (in Russ.).
11. Marchenko M. N. *Judicial law-making and judicial law*, Moscow, Prospekt, 2009, 510 p. (in Russ.).

Дата поступления / Received 14.01.2021

Дата принятия в печать / Accepted 15.02.2021

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2021

© Лазарев В. В., 2021

© Lazarev V. V., 2021